

О терминах и понятиях в праве¹

1. Значение проблемы терминов и понятий в информационном законодательстве

Систематизация материала по любой теме требует ориентации на системообразующие термины и понятия, соответствующие целям систематизатора. Это определяет множество форм работы с терминами и раскрывающими их содержание понятиями. В праве системообразующими терминами являются такие, которые определяют субъектов, предметную область их интересов и действий, в которой образуются и реализуются правоотношения. По широте, объему охвата терминов в семантической науке выделяются такие формы как глоссарии (перечни), тезаурусы, собрания терминов и их понимания по определенной области отношений (словари), энциклопедии.

Путь движения мысли о *предмете, области интереса субъекта через определенные термины (слова) и уяснения их понятия (смыслов)* в правовой области требует нормативного закрепления наиболее значимых для уяснения их юридического значения – создания *юридических дефиниций*. Именно такие определения становятся нормативно-обязательными для законодателя, подзаконного регулирования отношений субъектов права. Это требует немалых усилий и нуждается в постоянном внимании. Юридическая наука и практика уделяет значительное внимание проблеме терминов и понятий в теории права. Эта тема рассматривается в составе юридической методологии и обозначается как «Юридическая техника»².

Наука логики исследует закономерности мышления и поведения субъектов. Слово, обозначающее строго определенное понятие какой-либо отрасли науки, техники, называется *термином*. «*Понятие* есть форма мысли, в которой также непременно что-либо утверждается относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством выражать либо истину либо ложь»³. М.С. Строгович – крупнейший юрист советского времени – в учебнике логики отмечает, что всякое суждение «представляет собой связь понятий»⁴. *Понятия являются ядром суждений*. Но суждения могут быть истинными или ложными. И естественно, что для правовых актов важны не только термины, используемые в информационных отношениях в целом, но те из них, которые определяют цели и обязанные стороны как субъектов права. Для этого в юридической практике используется и такая категория как *юридические дефиниции*. Полезно обратиться к современнику Жан-Луи Бержелю. Он вводит в понимание правовых институтов-правил и такие инструменты как *концепты*, которые позволяют передать смысл слова. При этом реализуются два фактора: содержательный и формальный. «Право, использующее недостаточно корректные определения, не будет исполнимым в том смысле, что будут возникать сомнения и споры, порождающие юридическую небезопасность» – соглашается Бержель с мнением другого юриста – J. Dabin⁵. Для обеспечения юридической безопасности необходимо, чтобы каждый юридический концепт мог быть представлен юридической дефиницией... *Дефиниция, в идеале, это модель позволяющая сравнивать и, как следствие, соотносить с содержательной частью концепта конкретные ситуации, порождаемые юридической жизнью* (курсив наш).

Вопрос о терминах присутствует и в американской системе права. Обращаясь к юридической практике договорного права, Уильям Бернам отмечает следующее. Неоднозначное условие договора следует толковать против лица, которое составило договор. «Все термины должны толковаться, чтобы иметь разумное, законное и эффективное значение. Термин, который был предметом переговоров сторон, имеет приоритет перед термином, который входит в стандартизированную часть текста договора, не обсуждающуюся сторонами ("болванку" договора). Другой максимой,

говорит он, является правило главной цели, согласно которому в случае установления судом главной цели заключения договора она должна играть важную роль при толковании терминов»⁷.

Все, что касается перечисленных концептов: *термины, понятия, определения, дефиниции* – имеет важнейшее значение для теории и практики информационного права и не только национального, но и для регулирования информационных отношений международного масштаба⁸. Тем более это важно в процессе сравнительного изучения состояния информационного законодательства в процессе его систематизации и кодификации.

Отметим наиболее очевидные проблемы, которые необходимо учесть в предстоящей работе по систематизации базового законодательства и созданию на этой основе информационного кодекса.

Социальная среда в ее широком понимании – среда жизни социума, в которой реализуются информационные отношения, порождает как объективные, так и субъективные факторы. К вышесказанному следует добавить и необходимость учета общего состояния социума, в котором реализуются правила законотворчества в части соблюдения «юридической техники» относительно терминологии и понятий, закрепляемых в нормативно-правовых актах.

Еще не предполагая своей судьбы теоретика и практика организации государственного управления и великого кодификатора законодательства России, М.М. Сперанский обращал внимание на такие общезначимые категории как «время», «пространство», «место», «порядок» в философском их понимании. Именно сегодня эти факторы в информационной сфере очень важны. Они определяют формы и смыслы отношений, являющихся предметом регулирования. Процесс их упорядочения требует пристального внимания и строгого соблюдения базовых терминов и понятий еще на стадии работы с проектом акта законодателя и правоприменителя, вводящих законы и другие нормативные акты в юридическую среду. Нельзя пройти и мимо оценки значения философского взгляда на мир и события. Именно концепты: *время, пространство, место событий и явлений* объективно отражаются в сознании, психологии исполнителей, влияют на степень доверия к закону через, как выразился Сперанский, «удары своих глаз».

Объективные факторы нашего времени определяются и состоянием тех предметов, которые через термины и их реальность человек воспринимает и пространство и время. Реальность – это ситуация насыщения и быстрой смены технической и технологической основы информационной жизни общества.

Субъективные факторы в области отношений людей современного социума проявляются в категории как межличностные (индивидуальные); отношения индивида и коллектива; индивида и общества в целом; индивида и системы органов власти, а в целом как межсубъектные отношения. Скорее всего, это не чисто субъективные, а смешанные – одновременно и объективные и субъективные формы взаимодействия человека, его ассоциаций и государственно-правовых структур между собой. Соответственно в информационной сфере реализуются личностные, коллективные формы связи, взаимодействие человека и гражданина с органами своего и других органов государства. Современное законодательство как национальное, так и международное уделяет наибольшее внимание проблемам информационного взаимодействия системы органов публичной власти с человеком, населением своего государства, с разными видами организаций. В ключе обеспечения прав и интересов человека в условиях информационного общества и развития Интернета, решения межгосударственных отношений формируется и международное право.

В контексте вышесказанного трудно обойти ракурс данной проблемы, который высвечивается через призму истории. Проблема соотношения власти и народа в качестве политического субъекта относится к юридической и политической теории к области *высокой степени абстракции*⁹ – и проблема эта вечная¹⁰. Ю.А. Лимонов отмечает: «Все вопросы, связанные с информацией, распространением знаний и конкретным показом понятий, символов и эмблем рассматриваемой проблемы, пожалуй, впервые были поставлены одним из талантливых итальянских историков и публицистов

первой половины XVI в. Павлом Иовием». Экскурс в историю позволяет более глубоко понять значение терминов и определений в области правовой деятельности сегодня – в XXI в.¹¹.

2. На каком уровне исследования и правового упорядочения находится проблема терминов и определений сегодня?

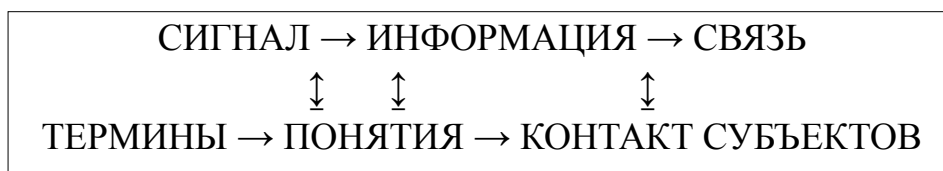
Ответ на этот вопрос муссируется постоянно в процессе обсуждения актов информационного законодательства и практики его применения, а также является предметом специальных исследований. Естественно, что он важен при решении вопросов систематизации и кодификации нормативной правовых источников любой отрасли, включая информационное законодательство. Это важно в процессе издания законодательных актов и особенно их систематизации и кодификации¹².

Сложность проблемы понимания и упорядочения терминов и смыслового их наполнения заключается в том, что при всей абстракции отношений властных структур и перевода общих правовых норм и установок в конкретное и реальное (субъективное) право человека, рождаются задачи увязки общего права и форм применительно к области и обстоятельств реализации закона. Отметим три подхода к вопросу: философов права (Е.В. Булыгин и К.Э. Альчуррон), специалистов информатики и информации и теории познания (Л.И. Хромов); специалистов информационного права (Ю. Саранчук и И. Килясханов).

Современная ситуация в развитии информационной среды все чаще заставляет исследователей обращаться к методам междисциплинарного масштаба. Интересной в этом отношении является работа, представляющая подход к исследованию «нормативных систем» аргентинскими специалистами философии права и юриспруденции, подготовленная к публикации на русском языке¹³. Работа сложная и касается рассмотрения проблем правовых систем через призму *теории правовых систем* и ее части *деонтической логики* – рассмотрение норм права в действии. Она интересна для понимания значения такого подхода к уяснению значения терминов и понятий, используемых с учетом консервативного, формально правового и деятельностного аспекта реализации нормативных определений, ориентированных на обстоятельства и условия реализации конкретных предписаний. С позиций авторов этой работы систематизация права есть выявление структурных свойств системы права, ее формальных дефектов и переформулирование ее основ. «В привычной для юристов терминологии, – поясняет автор предисловия к рассматриваемой работе В.М. Антонов, – авторы ее обосновывают выведение принципов права, толкование (уяснения смыслов) правовых норм, их конкретизацию (формулирование правил решения определенных категорий дел) и кодификацию (переструктурирование правового материала)¹⁴. Работа позволяет отследить идеи, касающиеся семантики норм и выражений о нормах. Высказан тезис, согласно которому понимание сути нормы и вопросов содержательной семантики норм и логической семантики выражений, их содержащих, неразрывно связаны. Авторы приходят к мысли, отмечает М.В. Антонов, сами нормы можно трактовать по-разному, и показывают, что «нормативные системы, построенные на основе различных трактовок норм, будут отличаться» (с. 21).

В названном труде «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм», впервые изданном в 1971 году, переведенном на английский в 1975-м, на немецкий и французский в 1994-м, опубликованном в России в 2013 году, рассматриваются вопросы по затронутой нами теме. Они касаются трактовки понятий «правовая система»; «принципы» и их проявление в разных отраслях права; действительность закона или нормы после формальной отмены; значение «поправки» в закон и т.п. Интересна статья Е.В. Булыгина «Право и время». В работе поставлен вопрос о построении матрицы норм и задач, решаемых на их основе; полезны диаграммы связи ситуации с их развитием по горизонтали и вертикали нормативной системы. Это подводит к постановке вопроса об упорядочении системы корневых терминов и их более гибкого применения. Авторы этой работы в основном ориентированы на размышления и действия «юристов, но не законодателей», а это значит – на область правоприменения.

Не менее интересна и полезна работа Л.И. Хромова «Теория информации и теория

познания». Она позволяет выстроить модель информационного процесса, которая создает более точное семантическое поле в его функциональном развитии: применение троичного принципа сигнала: форма, информация, содержание. Формула: **сигнал – информация – связь** (взаимодействие участников) акцентирует внимание на уяснение значимости сигнала в качестве исходной позиции для выстраивания информационного поля, в котором определенные или заинтересованные субъекты реализуют свой информационный контакт. Концепт СИГНАЛ представляет: 1 – тот самый «удар глаза», о котором говорил Сперанский, или базовый термин, связанный с предметом отношений; 2 – выход на определение ПОНЯТИЙ этих терминов, вводящих субъекта или ИС в определенные границы информационного поля, 3 – обуславливает содержание СВЯЗИ (взаимодействия) заинтересованных субъектов в порядке установления контакта для принятия решения. Автор специально обращает внимание на раскрытие термина «связь» не тривиально, то есть применительно к технической стороне контакта в сети, а в смысле коммуникативного взаимодействия сторон – участников информационного процесса. Такая модель, применяемая к области раскрытия связи терминов и понятий в семантическом поле правовой информации представляется достаточно продуктивной. Графически ее можно представить следующим образом.

Позиция «контакт субъектов» предполагает уяснение участниками отношения границ и форм реализации своих прав и обязанностей с учетом их раскрытия в терминах и их определениях (понятий), установленных законом или иным НПА.

Работа профессора Л.И. Хромова – теоретика космического телевидения – имеет много аспектов по проблеме самой теории познания, как религиозно-информационная (на этом не останавливаемся), так и теории информации в части обоснования перехода от чисто скалярного измерения информации к нескалярному – содержательному. В основе информационной теории связи лежит новое и сложное понятие «информация». Ее новизна и сложность состоит в том, что она представляет единство количества информации и качества информации¹⁵. В истории развития информационной теории связи автор выделяет два этапа: первый – *количественного восприятия* информации (Шеннон), определившего понимание парадигмы теории связи или теории информации и кибернетики, и второй, определяемый вниманием к качеству информации. Хромов формулирует закон **«не только роста количества информации, но и улучшения качества информации, как обязательное условие прогресса познания»**, где присутствует принятая система ценностей¹⁶. В техническом аспекте «сигнал» не есть образ. Шеннон создал теорию, считая, что «семантические аспекты связи не имеют отношения к технической стороне вопроса»¹⁷. Но первым, кто обратил внимание на отсутствие связи числа и содержания информации, является А.Н. Колмогоров: «<...> информация по своей природе не обязана быть (и в действительности не является) скалярной величиной»¹⁸. Семиотика базируется не на слове «*signal*» а на слове «*sing*» – знак, что создает основу образов в семиотике. Заметим, однако, что в триаде Хромов использовал термин «сигнал» в смысле не техническом, а содержательном, создающим образ. Подчеркивая момент новизны предложенного закона, Л.И. Хромов говорит: «Все знали, что учет смысла в теории связи и познания недоступен на научном уровне. Теория знаков (семиотика), хотя и рассматривала смысловое значение знаков, но вне понятия об информации. Когда я спросил, приехавшего в наш город в 1964 году К. Шеннона о возможности учета смысла в статистической теории связи, он признал трудность вопроса, на который не знал ответа»¹⁹.

Обращаясь сегодня к состоянию проблемы терминов и понятий в области информационного права, можно сказать, что ответ на поставленный вопрос более пятидесяти лет назад, все еще находится в стадии неопределенности и особенно в части создания и использования правовых дефиниций. Представляется, что закон триады, как закон Л.И. Хромова и А.Н. Колмогорова, сегодня заслуживает внимания.

Теоретические работы в области терминов и понятий совмещаются с научно-практическими. Появились заметные издания. Например, книга Ю. Саранчука и И. Киясханова (2008 г.)²⁰; словарь-справочник, выполненный и опубликованный в 2012 году коллективом авторов под редакцией М.А. Вуса и В.В. Бондуровского на базе модельных законов Межпарламентской ассамблеи СНГ²¹; Краткий справочник по

основным терминам и понятиям «Электронное правительство», подготовленный сотрудниками Министерства информационных технологий и связи Московской области РФ²² на базе более двадцати правовых актов. Этот перечень не исчерпывает усилий разных научно-практических коллективов²³, работающих по этой проблеме, но все же, позволяет в рамках статьи выявить некоторые тенденции подходов к проблеме. Основная проблема в том, что каждый закон определяет состав и понятие базовых терминов по-своему, что отражается на качестве самого законодательства и особенно на сфере правоприменения.

Этот перечень создан на основе терминов, содержащихся в *специальных статьях о терминах и понятиях* более чем в 30 законах по информационной тематике восьми государств-участников СНГ за 1995–2008 годы представляет несомненный интерес. В законах Азербайджанской Республики, Армении, Республики Беларусь, Республики Молдова, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Российской Федерации. Около 480 терминов многоаспектно характеризуют законодательство в области информационного права стран СНГ. Одновременно это сравнение дает представление о разном видении и толковании одноименных терминов²⁴. При разном и несовпадении в понимании однозначных терминов трудно обеспечить их согласованность в правоприменении, а тем более в исполнении законов. Ясно, что еще предстоит большая работа в процессе выработки однозначного толкования и применения законодательства в информационной сфере государств этого содружества. Без этой стадии еще сложнее обеспечить понятийное взаимодействие в процессе регулирования других международных региональных контактов.

В любом случае необходимо приветствовать появление такой работы, которая сегодня представлена на суд общественности. Она позволит выйти на более высокий уровень в области юридической техники в процессе выбора предмета правового регулирования, обоснования названий законов, формулировку их целей и содержания, а в целом поднимет уровень организации использования информационных ресурсов в условиях глобального использования ИТ в области сотрудничества всех участников СНГ, ОДКБ и других форм информационного взаимодействия при правовом обеспечении информационной безопасности.

3. Правовая терминология и понятийный аппарат в процессе систематизации и кодификации информационного законодательства

С учетом сказанного можно обозначить наиболее важные условия, которые необходимо учитывать в процессе реализации концепции систематизации и кодификации информационного законодательства.

1. Сосредоточить внимание и добиться консенсуса всех участников правового регулирования информационных отношений в значении правовой семантики в законотворчестве и правоприменении. Прежде всего определить состав концептов, характеризующих предметные области отношений и функционально-целевые действия компетентных субъектов, реализующих нормативно-выраженную волю законодателя. Естественно, что здесь внимание привлечено к двум принципиально важным системоорганизующим концептам: **информация и правовое регулирование**. Это обосновано связью между: а) объективно существующей сферой взаимодействия всех видов участников социума – информационных отношений, определяемых как бы не правовым концептом – **«информация»**, б) наполняемым юридическим смыслом этого концепта **«правовое регулирование»**.

2. Каждый из названных базовых концептов, несущих достаточно сложную по своей инфраструктуре нагрузку, порождает цепочку (линейку) взаимосвязанных терминов, развивающих, с одной стороны, *предметные области* регулирования отношений по формированию и использованию ресурса ИКТ, а с другой – цепочку *юридически значимых действий законодателя*, организующего порядок в обозначенной предметной области отношений всего многообразия субъектов, включаемых в сферу информационной реальности.

Например, концепт «информация» развивается в блоке терминов, обозначающих виды и категории информации как реального объекта, имеющего природу: 1 –

естественного и независимого от человека источника (космос, геологическая и археологическая информация, биологическая информация), но открываемого человеком путем снятия уже заложенной информации; 2 – результата интеллектуальной творческой деятельности человека; 3 – организованных в процессе использования разных источников информации по видам и категориям информации в качестве информационного ресурса социума; 4 – неорганизованного межличностного способа общения людей между собой; 5 – потоков обращения информации в неживой, электронной машинной сети транзита информации в оцифрованной или иной приемлемой форме обращения этого ресурса социума. Все это отражается на определении правового режима конкретных видов информационных ресурсов.

3. Концепт **информация** одновременно развивается и в линейке терминов, производных от главного его образа «информация». Эта линейка включает термины: виды информации, информационный ресурс, информационные технологии, информационные продукты и продукция, информационные коммуникации, информационная безопасность, информационные угрозы и т.д.

4. Концепт **«правовое регулирование»** в информационной сфере также имеет свой профиль развития и деконцентрации. Здесь решается задача выделения из объективно и реально существующих объектов информационной природы (по концепту «информация») той их части или стороны, которая может быть включена в систему правового регулирования. Здесь оформляется система информационных отношений как объект прав, обязанностей, обязательств, ответственности человека, организации, органа или иной институции социума, организованного и действующего как государство, правовое государство, система органов государственной власти в части развития общества как информационного. В других работах мы уже отмечали важность движения от термина «ПРАВО» к производных от него терминов и понятий. Например, к термину «права» как к обозначению конкретных прав (полномочий) определенных субъектов в процессах правоприменения и исполнения законодательных норм.

5. Учитывая, что информационное общество уже является во многих аспектах глобальным, нельзя терять из вида проблемы правового воздействия на ход информационных процессов в мировом масштабе. Отсюда и внимание к терминам и их понятиям в области юридического, нормативно-правового регулирования в международном праве, а также в постановках вопроса о формировании «мирового информационного права».

Вопрос о терминах в рассматриваемом аспекте позволяет *определить термин в информационном праве как образ, как первый «удар глаза» и сознания в поиске опоры для реализации задач субъекта в определенном информационном пространстве и поле действия субъекта.*

Термин, как таковой, и его развитие в определенной линейке раскрывается в его понятии, в его содержании и значимости для поведения субъекта и его взаимодействия с другими субъектами в процессе выстраивания и реализации информационных отношений, как отношений правовых, юридически обеспеченных и гарантированных.

Назначение концепта **«регулирование»** как средства юридизации отношений в информационной сфере отношений имеет достаточно широкий диапазон. Он призван обеспечить цели, методы государственно-правовых воздействий на процесс и сопровождающие его отношения субъектов. При этом решаются задачи *стабилизации состояния* (но не консервации) исходных, базовых элементов и факторов, обеспечивающих эффективность использования ИКТ как ресурса социума в его общественно-государственном пространстве и одновременно *создания гарантий и условий для развития* как материализованных, так и интеллектуальных компонентов информатизации и управления использованием ее потенциала. Стоит поддержать исследователей права, которые делают акцент на *парадигму регулирования* как фактора, обеспечивающего развитие, то есть создающего перспективу для отношений субъектов в той или иной области правовой поддержки перспективного, позитивного развития общества.

В этом процессе важно найти баланс в характеристиках правового регулирования, как *«присущей ему имманентно неопределенность»* и необходимость создания условий

для регулирования ситуационных, конкретных отношений субъектов (индивидуализация решений)²⁵. В теории ставится вопрос о соотношении правовой нормы (часто приближающейся к ситуационному уровню регулирования) и расширении приемов регулирования конкретных отношений например, *усмотрение, саморегулирование*. И здесь обозначаются два аспекта связи с информацией. О включении в процесс принятия решения и регулирование информационных отношений в рамках реализуемого решения А.В. Кашанин пишет: «Действительность представляет собой аморфную массу событий, фактов, действий, объектов и т.д. Ее структурирование – результат интеллектуальных усилий предполагает определенное *предпонимание* ситуации. Формулировки закона, безусловно, оказывают влияние, однако не менее, а возможно и более важную роль оказывают иные факторы, в том числе доступность информации, готовность к ее восприятию, специфика восприятия, способности к обобщению и концептуализации проблемы, наличие необходимого образования, предубеждений, ценностей, нежелание видеть факты, свобода в придании фактам различного веса и т.д. В итоге оказывается, что правоприменитель обладает значимым усмотрением в классификации фактических обстоятельств, выделении фактических составов и, соответственно, подведении их под конкретное правило поведения»²⁶. В этой связи можно обратить внимание на публикации относительно включения в процесс правового нормотворчества правосознания и правопонимания субъектов-участников этого процесса²⁷.

Только связка этих двух групп концептов и развивающих их терминов может позволить более корректно строить тезаурусы в информационном праве и применять их в конкретных законах²⁸. Базовым правовым источником для установления терминов и раскрытия их понятий все же является закон и в первую очередь Информационный Кодекс. Эта форма представления законодательства – консолидирующего уже изданные и действующие законы и ориентирующего на более высокий уровень предстоящих правовых решений информационного законодательства. Она позволяет обеспечить стабильность операциональной системы правового регулирования и предопределить устойчивость его функционально-целевой наполняемости для разных уровней правового нормотворчества, включая реализацию форм регулирования как усмотрение и саморегулирование, которые не могут выходить за пределы общих правоустановлений.

Сказанное представляется важным для процесса формирования тезаурусов, справочников, перечней терминов и их определений как в ходе кодификации так и в конкретных законах. Часть, Кодекса, содержащая основные, базовые термины и их определения, может быть представлена в приложении к Кодексу с учетом множественности этого компонента стабилизации правоотношений и организующая архитектуру Кодекса в составе его суперинститутов и институтов.

Только один суперинститут «Правовой режим информации, информационных ресурсов и коммуникаций» должен быть раскрыт в системе терминов по каждому направлению и создать основу для формулирования правовых дефиниций, как обязательных для всей системы информационного законодательства. Словари могут включать термины, исходящие из области информатики, но неизбежно употребляемые в инфокоммуникационной практике и обозначающие связь человеческих отношений со всей информационной сферой. Здесь не мало, а скорее много технических понятий, необходимых специалистам по обработке и трансляции информации. Они должны включаться в регламенты, протоколы и инструкции. В закон и его часть по терминам и определениям включаются термины, необходимые для упорядочения действий при поиске, получении и использованию информации с учетом условий ее безопасности и безопасности участников информационного правоотношения.

Не менее сложным является и раздел терминов и их понятий в части Кодекса, регулирующей все множество форм действий и взаимодействия субъектов в процессе реализации своих прав и обязанностей, в части массовых коммуникаций. Здесь внимания требуют такие инфраструктурные информационные образования как «электронное правительство», «открытое правительство», «информатизация функций управления», включая и ту часть, которая связана с предоставлением публичных услуг.

Проблема массовых коммуникаций насыщена смешением терминов телекоммуникаций и терминов, непосредственно касающихся области взаимодействия держателя технических и технологических ресурсов с потребителем информации. Эта область разработана слабо. Та же проблема является острой с точки зрения удовлетворения потребностей и охраны безопасности потребителя Интернета в части социальных сетей. До сих пор нет приемлемых и общепринятых определений «социальные сети Интернет», «информационная инфраструктура», «электронные СМИ» и т.п.

Еще один вопрос непосредственно касается поставленной проблемы. Это вопрос о выборе **критериев оценки** действительности самих терминов и определений, в качестве исходных системоорганизующих действия и отношения в информационной среде в аспекте права и законности.

Этот вопрос в наибольшей степени касается раскрытия и легитимации понятий терминов – их правовых определений. Здесь как нигде в информационной реальности необходима более строгая ориентация на скалярные и не скалярные (содержательные) критерии. Например, не столько число услуг (или отдельных операций по услуге), которое как бы стремится к неограниченному росту и вызывает восторг у ответственных должностных лиц, сколько оценка результатов получения услуг населением и отдельным гражданином.

Сказанное нацелено на понимание того, что проблема терминов и их определений, работа по выработке категорий и правовых дефиниций, стабилизирующих процесс правового регулирования информационных отношений, является весьма и весьма трудоемкой работой и требует объединения разрозненных усилий множества центров, которые работают в этом направлении. В самом широком плане можно ставить вопрос о создании *Энциклопедии информационного права*. Но на первом этапе необходимо формирование коллектива юристов для разработки единого базового тезауруса терминов и их определений как обязательной части Информационного кодекса. Здесь, возможно, потребуется своя концепция и ее апробация на уровне Государственной Думы Российской Федерации или специальной секции Ассоциации юристов России по информационному праву с привлечением опыта специалистов библиотечного и архивного дела.

¹ Настоящий материал представляет собой переработанный вариант статьи, опубликованной в журнале «Вопросы правоведения», 2014. № 3. С. 10–28.

² Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000; Информатика в терминах и определениях российского законодательства / Под ред. В.А. Никитова. – М., 2000.

³ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1976. – С. 456.

⁴ Строгович М.С. Логика. – М., 1949. – С. 147.

⁵ Бергель Ж.-Л. Общая теория права. Пер. с франц. М.: Nota-Bene, 2000. – С. 342–343.

⁶ Там же. – С. 343.

⁷ Бернам У. Правовая система Соединенных Штатов Америки. – М.: РИО «Новая юстиция», 2006. – С. 646–647.

⁸ См., напр.: Варфоломеев А.В. Пределы квалификации террористических преступлений на международном и национальном уровне // Государство и право. – 2012. – 9. – С. 79–92.

⁹ Базиле Д.М. Царь и народ во второй половине XVI в. Анализ летописей // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно- историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» Москва, 28–30 мая 1986 г. – М., 1997. – С. 282–288.

¹⁰ Историки рассматривают такие термины как «народ», «люди» (для обозначения людей, участвующих в «вече русского народа», отмечают, что вече не определялось как орган государственной власти). Термины «горожане», «граждане», сословия, бояре и прочие «должностные лица» рассматриваются на более конкретном (низком) уровне. Связанные понятия в контексте соотношения «правды», как выражения воли народа, и «грозы», исходящей от правителя. Цитируется летопись: «Бог любит правду лучи всего: не мочно Царю Царства без грозы держати» (Там же. С. 289).

¹¹ Джираудо Д. Титулы государей московских в венецианской исторической литературе и дипломатических документах XVI–XVII вв. // Там же. С. 334. Например, в процессе обсуждения общей проблемы затронут и важный для современного опыта применения терминов и понятий в законотворческой практике термин «обладатель», который переводился в те времена как «Dominator» или «Comandator».

¹² Концепция информационного кодекса. – М.: ИГП РАН, 2004.

¹³ «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм // К.Э. Альчуррон, Е.В. Булыгин, П. Герденсфорс, Д. Макинсон; под ред. Е.Н. Лисанюк. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 380 с.

¹⁴ Хромов.Указ. соч. С. 13, 314. По свидетельству авторов Логического словаря-справочника Н.И. Кондакова, деонтическая логика в зачаточной форме разрабатывалась в 1033–1109 годах, а к началу XX века исследовалась рядом специалистов.

¹⁵ Хромов Л.И. Указ. соч. С. 12.

¹⁶ Там же. – С. 79.

¹⁷ Там же. С. 71. «Человек рассматривает сигнальный образ как временного кандидата на сущность вещи. Усилиями людей-творцов сигнальные образы соединяются в гармоническую систему науки и искусства» (с. 167-168).

¹⁸ Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов. – М.: Наука, 1987. (цит. по: Хромов Л.И. Указ. соч. – С. 83.)

¹⁹ Там же. – С. 43.

²⁰ Саранчук Ю., Киясханов И. Информационное право в терминах и понятиях. – М.: 2008.

²¹ Словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государственных участников СНГ. – СПб., 2012. – 360 с.

²² Электронное правительство: русско-английский глоссарий терминов и понятий. Краткий справочник по основным, используемым в практической работе по внедрению элементов электронного правительства / Общ. ред. А.В. Шарыкина, отв. сост. С.Г. Камолов. – Красногорск, 2012. – 60 с.

²³ Не упоминаем о внимании к этим вопросам с самого начала формирования информационного права. См.: Сергиенко Л.А. История формирования информационного права в СССР и Российской Федерации 1960–2000 гг. – М., 2013.

²⁴ Эта работа показывает большой разброс в определении одних и тех же терминов. Например, по определению термина «**База данных**» находим 7 понятий, мало чем отличающихся одно от другого, но и не одинаково сформулированных законодателями разных государств. Видим 6 разных понятий **Банка данных**, термина «**государственная тайна**» (6 вариантов) и «государственные секреты» (3 варианта); 4 разных понятия «**допуск**» и 7 понятий «**доступ**» к информации; 9 формулировок по определению защиты информации и информационных ресурсов; 8 определений термина «**информация**», столько же по определению информационных систем. Несколько понятий информационных технологий, информационных ресурсов, и так далее.

²⁵ Кашанин А.В. О неопределенности права и усмотрения правоприменителя // Вопросы государственного и муниципального управления. Public Administration Issues. – 2013. – № 4. – С. 19–33.

²⁶ Кашанин А.В. Указ. соч. – С. 25.

²⁷ Бачило И.Л. Правовая система как нормативная форма жизни права // Вопросы правоведения. – 2013. – № 3.

²⁸ См.: Получение, хранение и использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. –СПб.: ФГБУ «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, 2013. – С. 32 и др.